

[Download](#)

Иррегулярные войска в эпоху заката (русская версия статьи Non-Regular Troops in the Era of Decline: a Comparative Analysis of Russian Cossacks and Austrian Grenzers of the 1860s, соавтор - Теймур Эльдарович Зульфугарзаде)

Artyom Peretyatko Teymur Zulfugarz...

Авторитетный австрийский историк А. Каппелер предполагает, что детальное сравнение российских казачьих войск и австрийской Военной Границы будет крайне полезно для объяснения феномена пограничных сообществ. В статье показано, что попытку такого сравнения предпринял еще в 1860 гг. российский генерал Н.И. Краснов, один из крупнейших казачьих статистиков своей эпохи. Он показал, что иррегулярные войска в европейском государстве XIX в. обречены вследствие экономических причин. На основании посвященных казакам и граничарам архивных материалов из Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Ростовской области и отдела рукописей Российской национальной библиотеки мы показываем, что прогнозы Н.И. Краснова были обоснованы, и анализируем другие аспекты сходства казачества и пограничных полков в интересующий нас период. Результатом статьи является вывод о том, что в 1860 гг. иррегулярные войска классического образца были обречены, и существовало только два выхода из этой ситуации: их ликвидация или кардинальная перестройка, затрагивающая многие важные традиции.

[Show less](#) ▾

Russian Studies

Croatian History

4 Views

UDC 94(497.5)

Иррегулярные войска в эпоху заката: попытка сравнительного анализа российских казаков и австрийских граничар 1860 гг.

Артем Юрьевич Перетяцько

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований

Теймур Эльдарович Зулфугарзаде

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Аннотация. Авторитетный австрийский историк А. Каппелер предполагает, что детальное сравнение российских казачьих войск и австрийской Военной Границы будет крайне полезно для объяснения феномена пограничных сообществ. В статье показано, что попытку такого сравнения предпринял еще в 1860 гг. российский генерал Н.И. Краснов, один из крупнейших казачьих статистиков своей эпохи. Он показал, что иррегулярные войска в европейском государстве XIX в. обречены вследствие экономических причин. На основании посвященных казакам и граничарам архивных материалов из Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Ростовской области и отдела рукописей Российской национальной библиотеки мы показываем, что прогнозы Н.И. Краснова были обоснованы, и анализируем другие аспекты сходства казачества и пограничных полков в интересующий нас период. Результатом статьи является вывод о том, что в 1860 гг. иррегулярные войска классического образца были обречены, и существовало только два выхода из

этой ситуации: их ликвидация или кардинальная перестройка, затрагивающая многие важные традиции.

Ключевые слова: граничары, казаки, военные реформы, военно-поселенные войска, обращение иррегулярных войск в гражданское состояние, Н.И.

Краснов

Введение

Русский историк, пытающийся анализировать «сходство» казачьих войск, некогда существовавших в его стране, и австрийской Военной Границы, сразу оказывается в сложном положении. О наличии этого сходства упоминали в русских переводах немецких статей еще в середине XIX в. (Виккеде, 1859: 677), а в конце XX в. о нем заговорили и российские ученые-казаковеды (Казачий Дон, 1995: 25-33). Однако дальше признания некоего абстрактного общего сходства дело, как правило, в русскоязычных работах не шло.

Подобная ситуация сложилась потому, что история Военной Границы по сей день остается для российского читателя своеобразной «terra incognita», областью историографических мифов и специфической полуправды. Если он и знает о граничарах, то обычно только как о великолепных природных воинах, жадных до битв, преданных своей стране и много веков охранявших границу Европы от турок-османов. Этот образ, как нетрудно заметить, очень близок к образу других великолепных воинов, российских казаков. Вот только формировался он изначально под влиянием людей, едва ли глубоко знакомых с ситуацией в пограничных полках, и основывающих свои суждения на крайне ограниченной информации. Так, один из немногих современных российских историков, специально занимавшихся исследованием прошлого Военной Границы, Ю.В. Костяшов, приводит два крайне любопытных мнения о граничарах, принадлежащих российским дипломатам XVII-XVIII в. Именно тогда, еще в 1697-1698 гг., русский стольник П.А. Толстой едва ли не первым высказал мысль о сходстве

жителей Военной Границы (точнее, переселявшихся на нее сербов) с казаками. В своем дневнике он писал: «Те сербы люди военные, *подобятся во всем донским козакам* (курсив наш – А.П.), говорят все славянским языком... К московскому народу зело приветны и почитательны» (Костяшов, 1997а: 141). Российскому дипломату и государственному деятелю трудно отказать в прозорливости: он сумел заметить сходство между военными поселенцами двух соседних государств во время краткого путешествия по владениям Венецианской республики на Балканах. Однако краткость этого путешествия заставляет с сомнением относиться к абсолютной достоверности сделанных П.А. Толстым выводов. Еще более ненадежным выглядит свидетельство другого российского дипломата, посла в Вене Л. Ланчинского, который в 1747 г. сообщал императрице Елизавете Петровне мнение австрийского фельдмаршала Гильдбургхаузена о «кроатах»¹, входивших в состав пограничных полков: «Нацию вельми хвалил, особливо в том, что с самого начала его команды ни один человек к неприятелю не дезертировал, а хотя-де которья и отлучились, то в домы и деревни свои пришли, не пропали. Народ-де здоровый и маршируют скоро» (Костяшов, 1997а: 140). Помимо того, что дипломат транслировал, с возможными искажениями, соображения иностранного офицера, сам этот офицер никогда не видел граничар в бою, и основывал свой отзыв о них только на их поведении в походе. Однако Ю.В. Костяшов безоговорочно доверяет этим двум мнениям российских чиновников, явно симпатизировавшим «братьям-славянам», в отличие от официальных австрийских документов, рисующих Военную Границу в куда менее героических тонах. Содержащиеся в них утверждения о том, что в мирное время граничары «сидели дома без всякого дела», а во время войн были случаи, когда они «толпами убегали домой», современный российский историк приписывает исключительно недоброжелательности хорватских и венгерских чиновников к сербам-граничарам (Костяшов, 1997б: 89).

¹ Кроатами в отечественной историографии традиционно именуют граничарские части середины XVIII в.

Мы вовсе не хотим сказать, что солдаты пограничных полков были плохими воинами, и их сравнение с российскими казаками основывается на ложных предпосылках. Однако тот образ идеальных, преданных славянским традициям и не знающих дезертирства граничар, который был сформирован русскими путешественниками и дипломатами, поверхностно знающими реальную ситуацию на Военной Границе, так же комичен и оторван от действительности, как и образ стереотипного казака в глазах европейца. Крупнейший австрийский историк А. Каппелер так иронично описывает этот образ: «Кзаки – это понятие вызывает представление о диких азиатских конных ордах на службе России, из отважных, жестоких, размахивающих нагайками, пиками или саблями всадников, усатых, в цветной великолепной форме, со странными меховыми головными уборами или с чубами на головах» (Каппелер, 2014: 10). Человек, хорошо знающий историю казачества, с ее сложностями, противоречиями и трагическими эпизодами, не может всерьез воспринимать такой набор клише. Но может ли серьезно относиться человек, знающий историю Военной Границы, к тому ее образу, который создают многие российские историки?

А этот идеализированный образ существует не только в работах Ю.В. Костяшова. Например, Т.Н. Кандаурова, характеризуя боеспособность пограничных полков, приводит только два крайне комплементарных свидетельства современников-иностранцев (правда, не русских): исследователя сербской истории Ф. Таубе, называвшего Военную Границу «величайшей драгоценностью австрийского дома», и наполеоновского маршала О.Ф. Мармона, утверждавшего, что граничары «дают Австрийской империи семидесятитысячную армию, всегда готовую к войне, и которая не стоит ей почти ничего во время мира». В ее картине жизни граничар не находится места для каких-либо серьезных проблем: исследовательница пишет только о положительных сторонах существования Военной Границы (Кандаурова, 2010: 87-95). Кроме того, Т.Н. Кандаурова воспринимает пограничные полки как нечто стабильное, мало изменявшееся во времени

(Кандаурова, 2010: 92), опираясь, кстати, на слова Ю.В. Костяшова о том, что хотя «еще до XIX в. было предпринято не менее 30 попыток усовершенствовать граничарскую систему, но ее существо оставалось без изменений» (Костяшов, 1997а: 144). И в итоге история граничар пишется на основании их действий в наиболее успешные эпохи: Ю.В. Костяшов, в частности, является специалистом по истории сербов XVIII в., и даже выпустил монографию на эту тему (Костяшов, 1997б), но, к сожалению, в своих статьях распространяет особенности службы граничар этого времени и на последующее столетие (Костяшов, 1997а: 140-145).

В итоге образ пограничных полков 1860 гг. в работах этих двух авторов очень далеко отстоит от того, что писал в своих донесениях в Санкт-Петербург российский военный агент в Вене Ф.Ф. Торнау, или того, что наблюдал российский консул в Риеке Л.В. Березин. Так, Ю.В. Костяшов полагает, что «времена былой военной службы» остались золотым веком в памяти граничар, которым были не слишком нужны либеральные реформы (Костяшов, 1997а: 144). Т.Н. Кандаурова характеризует Военную Границу середины XIX в. как «не только военно-земледельческий, но и промышленно-торговый регион», выполнявший к тому же «определенные социокультурные функции, в том числе по формированию образовательного пространства и культурного потенциала территорий Австрии» (Кандаурова, 2010: 94-95). Безусловно, в современной российской историографии существуют и значительно более объективные работы, описывающие далеко не однозначную ситуацию на Военной Границе в этот период. Мы бы выделили тексты В.И. Фредзона (Фрейдзон, 1963; Фрейдзон, 2001) и А.М. Дронова (Дронов, 2016), с той оговоркой, что они едва ли будут особенно интересны сербскому или хорватскому читателю, поскольку основаны в основном на пересказе югославянских авторов. Однако таких работ немного, информация о граничарах разнообразна и не достоверна, и в итоге историк российского казачества, пытаясь сопоставить казачьи войска и Военную

Границу, как правило, сравнивает реальных казаков с мифологизированным и идеализированным образом граничар.

Ничего удивительного, что результат обычно не оправдывает ожиданий: действительно крупные историки донского казачества А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, пытаясь определить место «казачьего феномена во всемирной истории», допустили ряд грубейших ошибок именно при попытке сопоставить Донское войско и Военную Границу. По мнению этих авторов, граничары боролись не только с османами, но и с Австрийской империей, причем отсутствие у них державы-покровителя «не способствовало сохранению крупных постоянных поселений, городков, исключало возможность ведения мирного хозяйства и закрепления за ними контролируемых территорий». Более того, Военная Граница якобы исчезла, в числе прочих причин, из-за «образования и укрепления могущества Австрийской империи» (Казачий Дон, 1995: 25-33)! Очевидно, авторы, никогда специально не занимавшиеся историей пограничных полков, слишком буквально восприняли историографический миф о габсбургском иге над южными славянами, и непримиримой борьбе граничар против этого ига.

Почему же, несмотря на все вышеизложенное, мы не только рискуем сравнивать российские казачьи войска и австрийскую Военную Границу, но и публикуем свою статью в иностранном журнале? Дело в том, что в принципе сравнительное исследование истории казаков и граничар представляется нам крайне перспективным. И мы далеко не одиноки в таком мнении. Упомянутый выше А. Каппелер в своей недавно вышедшей монографии «Казачество. История и легенды» неоднократно указывает на конкретные примеры «поразительного сходства» между этими двумя военными сословиями. По его мнению, и российские казачьи войска, и Военная Граница представляли собой «особые социополитические структуры со своими привилегиями, большими свободами и пограничным менталитетом, отличающиеся от преобладающей массы несвободных

крестьян внутри страны». Подводя итог рассуждениям на эту тему, маститый австрийский историк предсказывает, что «детальное сравнение (казаков и граничар – А.П.), конечно, может дать дальнейшее разъяснение феномена пограничных сообществ в целом и особенно истории казаков» (Каппелер, 2014: 83). Однако, как нам кажется, для произведения этого «детального сравнения» исследователь должен хорошо владеть фактическим материалом и по истории казачьих войск, и по истории Военной Границы.

Мы отнюдь не претендуем на роль такого исследователя, однако в ходе изучения истории донского казачества нам показалось перспективным сопоставить процессы, происходившие в 1860 гг. в Донском войске и в пограничных полках. На эту мысль нас натолкнули работы еще одного крупного современного казаковеда, А.А. Волвенко. В одной из своих статей российский исследователь пишет, что в начале 1860 гг., когда российское Военное Министерство готовило серьезные преобразования в казачьих войсках, «военному агенту в Вене барону Ф.Ф. Торнау поручили собрать информацию о политике Австро-Венгерской империи по постепенному переводу всего населения так называемой «Военной границы», положение которого было сродни казачьему, с военнообязанного состояния на гражданское» (Волвенко, 2007: 47-56). В другом тексте историк выражается еще определеннее: «решительность военного ведомства в деле преобразования казачества была подкреплена в числе многих обстоятельств и опытом Австро-Венгерской империи по реорганизации так называемой «Военной границы» на своих окраинах» (Волвенко, 2014б: 382).

Утверждение о том, что реформы пограничных полков начала 1860 гг. в каком-то смысле послужили прообразом для позднейших преобразований в казачьих войсках, показалось нам без преувеличения сенсационным, и после прочтения работ А.А. Волвенко мы захотели ознакомиться как с рапортами Ф.Ф. Торнау, посвященными реформам Военной Границы, так и с теми

документами управления иррегулярных войск², на которые опирался современный исследователь, делая такое смелое утверждение.

Однако даже самого первого знакомства с архивными материалами оказалось достаточно, чтобы понять: с еще одним русским историком сыграло злую шутку незнание деталей прошлого пограничных полков и недостаточное внимание к посвященным им источникам. Ф.Ф. Торнау совершенно прямо и определенно писал, что для граничар «обращение в гражданское состояние» началось 8 июня 1871 г. (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112. Л. 47-48). В рапортах 1860 гг. он упоминал только о абстрактном желании части австрийского генералитета демилитаризовать Военную Границу (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-47), и нет никаких документальных свидетельств, согласно которым информация об этом желании, не подкреплённая даже конкретным планом преобразований, оказала сколько-либо заметное влияние на политику российского Военного Министерства по отношению казачьим войскам. Можно с уверенностью готовить только об одном внимательном читателе рапортов Ф.Ф. Торнау в управлении иррегулярных войск, причем читателе, занимавшем скромную должность офицера для особых поручений при начальнике этого управления (Список, 1891: 445). Однако Николая Ивановича Краснова ждала успешная военная и научная карьера: ему предстояло стать генерал-лейтенантом, крупнейшим донским статистиком второй половины XIX в. и представителем всей России на статистическом конгрессе в Пеште (Королев, 1991: 234-244). Уже к середине 1860 гг. Н.И. Краснов был автором двух первых опубликованных историко-статистических описаний Земли Войска Донского: «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» (Краснов, 1863) и «Военного обозрения Земли Войска Донского» (Краснов, 1864). В эти же годы молодой офицер активно участвовал в дискуссиях о будущем казачества, и постепенно пришел к

² Орган при Военном Министерстве Российской империи в 1857-1867 гг., отвечавший за управление казачьими войсками.

выводу, что реформы в российских казачьих войсках нужно планировать исходя не только из сиюминутных интересов, но и из долгосрочных тенденций эволюции иррегулярных войск во всем мире. И полученное от начальства задание рассчитать соотношение трат на регулярные части и части Оренбургского казачьего войска (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1) стало для донского статистика поводом создать уникальное в российской литературе исследование финансовой эффективности иррегулярной системы, с использованием данных не только по казачьим войскам, но и по Военной Границе.

В настоящее время мы осуществляем публикацию этой работы Н.И. Краснова, названной автором «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» (Peretyatko, 2016a; Peretyatko, 2017a), поэтому в рамках данной статьи имеет смысл остановиться только на важнейшем выводе, к которому пришел офицер Военного Министерства. На основании конкретных примеров он доказывал, что для двух восточноевропейских империй, Российской и Австрийской, давно прошли времена, когда военные поселенцы приносили пользу государственной казне. Этот русский и австрийский опыт позволил Н.И. Краснову сформулировать следующее обобщение: «вместе с развитием в государстве сельской и городской промышленности и торговли, увеличивающих ежегодно источники государственных доходов, ослабляется мнение об относительной дешевизне поселенных войск» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 117-117об). На наш взгляд, работа донского статистика, впервые в российской литературе содержащая не общее указание на некое «сходство» казаков и граничар, но разбор экономических проблем, одинаково актуальных для Военной Границы и российских казачьих войск, носила революционный характер. Ее публикация в 1860 г. могла бы резко увеличить интерес российских военных чиновников и казачьих общественных деятелей к

системе пограничных полков, продемонстрировав, что австрийский опыт действительно можно использовать при подготовке реформ в казачьих войсках.

Увы, этого не произошло. А.А. Волвенко предполагал, что, по крайней мере, текст Н.И. Краснова был известен руководству военного ведомства, благожелательно отнесемусь к содержащимся в нем идеям (Волвенко, 2007: 47-56). Однако мы в ходе своего архивного поиска в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) не нашли никаких подтверждений этому. Напротив, беловая рукопись офицера управления иррегулярных войск, содержащая грубые и так и не исправленные ошибки в некоторых расчетах (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 155), была сдана в архив со множеством сопроводительных документов, посвященных ее созданию, но без каких-либо бумаг, подтверждающих ее прочтение высшими чинами Военного Министерства. Нам представляется, что к 1867 г., когда донской статистик завершил свой труд, содержащиеся в нем тезисы показались слишком смелыми и радикальными его непосредственному начальству, и оно предпочло положить во всех смыслах революционное исследование на вечное хранение, так и не попытавшись использовать его (Peretyatko, 2017б: 13-16).

Однако теперь, после обнаружения «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова и их частичной публикации, можно с уверенностью говорить, что задолго до А. Каппелера авторитетнейший знаток истории и статистики Дона, один из первых настоящих казачьих ученых, не только призывал к «детальному сравнению» казаков и граничар, но и попытался провести это сравнение самостоятельно, затрагивая, правда, только близкие ему экономические аспекты. И пускай оказались очередным историографическим мифом утверждения А.А. Волвенко о том, что в ходе реформ казачества 1860 гг. Военное

Министерство опиралось на некий опыт аналогичных преобразований в пограничных полках, – нам показалось перспективным развить и логически завершить исследования Н.И. Краснова, продолжив сопоставление казачьих войск и Военной Границы в это десятилетие.

Материалы и методы

К счастью, именно интересующий нас период истории граничар оказался хорошо отражен в материалах РГВИА. Ф.Ф. Торнау был одним из наиболее плодовитых российских военных агентов в Вене, и во многих его рапортах и отчетах определенное внимание уделялось Военной Границе (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 104; РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 112). Кроме того, в конце 1860 гг. в Россию эмигрировал Б. Каталинич, офицер-граничар и авантюрист, планировавший поднять антигабсбургское восстание на Балканах. Российское Военное Министерство связывало с ним не слишком определенные надежды, то ли действительно считая возможным организовать подобный мятеж, то ли используя Б. Каталинича как источник информации о австрийской армии (Нигалатий, 2007: 148-161). В числе плодов деятельности австрийского авантюриста был ряд любопытных текстов, в которых явно преувеличенные сведения о ненависти южных славян к Австрийской империи соседствуют с описаниями конкретных деталей организации пограничных полков (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108; РГВИА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 7). К сожалению, материалы Ф.Ф. Торнау и Б. Каталинича до сих пор не использовались российскими исследователями Военной Границы, хотя частично известны специалистам-казаковедам и историкам панславизма соответственно. Поэтому, прежде чем перейти к сравнению казаков и граничар, мы попытались систематизировать эти тексты, опубликовав цикл статей, посвященных российским архивным материалам по истории пограничных полков (Peretyatko, 2016б; Peretyatko, 2016в; Peretyatko, 2017в). На наш взгляд, даже для хорватских и сербских авторов могут оказаться важными сведения, сообщаемые Ф.Ф. Торнау о

настроениях австрийского генералитета, или история связей российского Военного Министерства с хорватскими политическими деятелями через Б. Каталинича.

Разумеется, источники, посвященные истории казачества 1860 гг., представлены в российских архивах гораздо более полно. В РГВИА сохранились тысячи дел, сформированных в результате переписки войсковых администраций с Военным Министерством и административной деятельности чиновников имперского правительства. В их числе не только вышеупомянутая рукопись Н.И. Краснова, но и проекты нового устройства казачьих войск (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 8; РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 17; РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 23). В государственном архиве Ростовской области (ГАРО) хранятся материалы донских комиссий и комитетов (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70), неопубликованные рукописи местных деятелей (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34), хорошо иллюстрирующие настроения в казачьей среде. Наконец, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) представлены крайне разнородные и разнообразные документы о экономическом состоянии казачества, собранные видным военным чиновником Н.А. Маслаковцом (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24; ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104). Архивные материалы дополняются множеством опубликованных текстов статистического и мемуарного характера, авторами которых были современники бурных 1860 гг. в казачьих войсках. Наиболее полно ситуация в самом большом из этих войск, Войске Донском, была описана Н.И. Красновым в указанных выше двух книгах, однако заслуживают внимания и тексты А.А. Карасева (Карасев, 1896; Карасев, 1900), В.Д. Новицкого (Новицкий, 1991), И.И. Краснова (Краснов, 1862; И.К., 1865) и других. Что касается работ современных исследователей, то именно вторая половина XIX в. до последних десятилетий сравнительно мало привлекала внимание историков казачества (Chuikov et al., 2016). Тем не менее, следует отметить относительно недавно вышедшие ценные книги А.П. Скорика (Скорик, 2015), А.Н. Малукало (Малукало,

2003), Р.Г. Тикиджьяна (Тикиджьян, 2013) и особенно А.А. Волвенко (Волвенко, 2017), затрагивающие этот период.

Основой для нашего исследования станет историко-сравнительный метод. Однако для сопоставления ситуации в казачьих войсках и на Военной Границе необходимо сначала реконструировать эту ситуацию, причем часто на основании крайне субъективных источников. Поэтому мы будем так же широко применять метод исторической реконструкции и историко-биографический метод.

Обсуждение

Как мы писали выше, Н.И. Краснов, проведя сопоставление российского казачества и австрийских граничар, пришел к выводу, что оба этих сословия военных поселенцев испытывали схожие экономические проблемы. К сожалению, донской статистик не всегда ясно формулировал свои мысли, на что обращали внимание уже его современники. М.Е. Салтыков-Щедрин называл Н.И. Краснова «литератором-обывателем», «неловким» в использовании слов (Салтыков-Щедрин, 1864). Поэтому в «Соображениях о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» порой трудно понять, что автор считает наиболее важным, а что приводит только в качестве дополнения, какие его выводы применимы только к российскому казачеству, а какие – ко всем поселенным войскам. Мы попытались вычленить главное из рассуждений российского офицера, составить краткое перечисление тех факторов, которые, по его мнению, обрекали иррегулярные войска на гибель в развитом европейском государстве XIX в. Однако, по указанным выше причинам, этот список носит примерный характер.

1) Повторим еще раз, что Н.И. Краснов считал: иррегулярные войска обречены не из-за военных, но из-за экономических факторов. Более того, для упрощения он полностью исключил военную составляющую из своих

рассуждений (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 117об). По мнению донского статистика, привилегии, которые получали граничары и казаки, были «огромны», и наделение ими части населения «давало лишь ущерб для государственной казны» даже в том случае, если иррегулярные части снаряжались и частично содержались за собственный счет (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 119-119об).

2) При этом российский офицер в чем-то сходилась с современными авторами, считающими казаков и граничар специфическими «пограничными сообществами». Н.И. Краснов писал, что российское казачество было эффективным, пока «Россия была окружена дикими и кочевыми ордами», а «казаки отражали набеги кочевых народов и в то же время являлись первыми колонизаторами наших пограничных областей» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 122). Однако к 1860 гг. эти времена давно прошли, и «вместе с уничтожением пограничных неприятелей России становятся с году на год излишними особые меры правительства к ограждению границ империи, состоящие главным образом в образовании военно-поселенных войск, известных под наименованием казаков» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 115). Приводил статистик и схожее мнение части австрийского генералитета в пересказе Ф.Ф. Торнау, в соответствии с которым Военная Граница должна была быть упразднена потому, что «причины, побудившие ей дать военную организацию, более не существуют» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41об).

3) Почему же иррегулярная организация войск стала не выгодной? Н.И. Краснов сумел сформулировать это очень четко и почти афористично: «поголовная воинская повинность известного населения препятствует ему развивать сельскую и городскую промышленность, употреблять свои капиталы на торговые предприятия, и вообще идти по пути гражданственности» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 121об). И на Военной Границе и в казачьих войсках Российской империи сторонний наблюдатель мог наглядно видеть последствия такой повинности: хотя утверждение

донского офицера о том, что «казачьи территории» якобы «едва прокармливают население, не принося никаких доходов в государственную казну» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 116об-117), и было очевидным преувеличением, хозяйственный потенциал этих территорий в 1860 гг. использовался явно недостаточно (Перетяцько, 2017). В пограничных полках ситуация была еще более однозначной: все источники вполне согласуются с заявлением Ф.Ф. Торнау, согласно которому в них «значительная часть земли лежала необработанною, и источники благосостояния, вмещаемые этой богатой стороною, приносили самую ничтожную пользу» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40).

4) Исходя из всего вышеизложенного, офицер главного управления иррегулярных войск считал и казачество, и граничар обреченными в исторической перспективе. Их обращение в гражданское состояние казалось ему очевидным шагом, за которым последовало бы множество позитивных изменений. «Освободившись от воинской повинности, они (казаки – А.П.) бы употребили свой труд и капиталы на промышленность, улучшили бы свое материальное благосостояние, а, значит, и прибавили бы новые силы к производительным силам государства» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123). В подтверждение своей мысли Н.И. Краснов приводил пересказ Ф.Ф. Торнау мнения той части австрийского генералитета, представители которой ожидали от демилитаризации Военной Границы «финансовых выгод, долженствующих породиться для государства от колонизации пограничных пустопорожных земель и от свободной их эксплуатации» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43об). В результате своих рассуждений донской статистик приходил к формулировке, которая хотя и применялась им к российскому казачеству, но могла быть распространена на все иррегулярные войска: «при содержании казачьих военных населений вместо регулярных войск, должна терять и государственная казна, вследствие недополучения с определенного населения доходов, и сами казаки, коих материальное благосостояние далеко ниже того, которое могло бы развиваться от приложения свободного труда к

благодатным поземельным угодьям» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 121об-122).

Н.И. Краснов был яркой, эмоциональной и не всегда склонной к объективному восприятию действительности личностью. Его «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» писались в условиях партийной борьбы, и содержат множество искажений и неточностей. Однако они относятся исключительно к той части, где донской автор касался острой для него проблемы, проблемы предстоящих реформ казачьих войск. Насколько сомнительной нам кажется практическая часть его текста, где он предсказывал мгновенный и почти волшебный результат от обращения казачьих войск в гражданское состояние (Н.И. Краснов обещал уже в первые годы многомиллионную прибыль государству (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 148об; 155об), настолько же убедительными нам кажутся теоретические рассуждения российского офицера, подкрепляющиеся историей дальнейшего развития казаков и граничар.

Мы бы хотели дополнить их еще одной, очень важной, на наш взгляд, деталью, которую не затронул Н.И. Краснов. Развитие военного дела во второй половине XIX в. сопровождалось постоянным ростом требований к снаряжению солдат и соответствующим непрерывным удорожанием их амуниции. Между тем Военная Граница уже к 1860 гг. находилась в состоянии крайней нищеты. Русский консул в Риеке Л.В. Березин с сочувствием писал о бедности граничар, связывая ее, кстати, так же как Ф.Ф. Торнау и Н.И. Краснов, с «военной системой местного управления», отбивавшей у граничар желание заниматься сельским хозяйством (Березин, 1879: 348-349). Б. Каталинич шел еще дальше, жалуюсь российскому Военному Министерству на частый голод в пограничных полках, разорение 44 000 хозяйств после войны 1848-1849 гг. и двойное бремя, военное и налоговое, падающее на каждого граничара (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л.

38-77). Недовольство граничар своей бедностью нашло проявление в требовании их представителей на загребском саборе 1861 г. демилитаризировать Военную Границу именно из-за ее нищеты (Фрейдзон, 2001: 144-145). И крайне сомнительно, что в пограничных полках сумели бы приспособиться к росту цен на снаряжение, не доведя значительную часть хозяйств до полного и безоговорочного разорения.

Во всяком случае, даже в гораздо более богатом Донском Войске именно этот рост цен стал той фатальной проблемой, решить которую так и не смогли до 1917 г. До 1860 гг. донские полки представляли собой, по выражению известного краеведа С.Ф. Номикосова, «все-таки вполне иррегулярное войско», «имеющее много недостатков» (Номикосов, 1884: 340). Н.И. Краснов выражался куда яснее, показывая, что скрывается за такими обтекаемыми эвфемизмами: «оружие плохое, наполовину почти негодное, обмундировка плохая, и лошадки-то у многих годятся лишь только в борону, да часто и выпрягаются из бороны под царского слугу, которому через несколько месяцев придется идти в атаку на таком «меринке». Донской статистик не скрывал того факта, что многие казаки, чтобы сэкономить, выбирали снаряжение и коня подешевле (Краснов, 1864: 228). И Военное Министерство отреагировало на падение боеспособности казачьих полков, вызванное таким качеством снаряжения, ужесточением контроля над амуницией. С 1860 по 1890 гг. правительство вводило в действие новые и новые меры для достижения этой цели, носящие все более жестокий и показательный характер. В 1899 г. делегат от Хоперского округа в одну из местных комиссий, В.Я. Бирюков, жаловался, что офицеры, специально следящие за исправностью снаряжения льготных полков³, за незначительную неисправность седельного вьюка наказывали провинившихся арестом на несколько недель, однако его жалоба не нашла никакого понимания у начальства: напротив, поведение офицеров было признано единственно правильным (Маслаковец, 1899: 5).

³ Так назывались резервные полки из казаков, отслуживших положенный срок в строю.

И в изменившихся условиях казаки не могли использовать дешевое низкокачественное снаряжение, не могли пользоваться одеждой и оружием своих отцов и братьев: каждый казак нуждался в новой, соответствующей всем требованиям Военного Министерства амуниции перед выходом на службу. При этом, если в 1860 гг., по официальным правительственным данным, полное казачье снаряжение без лошади⁴ стоило 33 руб. 38 ³/₄ коп. (Краснов, 1864: 231), то к 1880 гг. его цена возросла до 90 руб. 58 коп. (Протоколы, 1899: 33)! В действительности, однако, этот рост был несколько менее велик: до 1878 г. казаки закупали свое снаряжение у розничных торговцев, много дороже официальных закупочных цен (Протоколы, 1899: 36). Поэтому на практике полный комплект снаряжения уже в 1860 гг. стоил 83 руб. 55 коп. (Краснов, 1864: 235), а к 1880 гг. подорожал только до 120 руб. 88 коп., благодаря введению практики централизованных закупок у комиссионеров (Протоколы, 1899: 33). Однако расплата за эту экономию оказалась слишком тяжелой: казаки были вынуждены покупать одновременно все снаряжение, без возможности разбить оплату на несколько частей или использовать сделанные в домашнем хозяйстве вещи. И в итоге делегаты от станичных обществ даже просили вернуться к прежним порядкам, несмотря на неизбежный рост цен, поскольку одновременная выплата огромной по меркам среднего хозяйства суммы слишком «невыгодно отражалась на бюджете» (Протоколы, 1899: 36). Таким образом, всего за два десятилетия, с 1860 до 1880 гг. стоимость казачьего снаряжения по официальным данным возросла в 3 раза, и пускай на практике это повышение было «всего лишь» полуторным, зато оно сопровождалось крайне неудобным для частных хозяев изменением системы закупок. С каждым годом казачье снаряжение стоило все дороже, а казачьи наделы, напротив, постепенно сокращались из-за естественного прироста населения. Уже в 1860 гг. станичные депутаты начали жаловаться на недостаток земли

⁴ Мы не рассматриваем рост цен на лошадей на Дону, поскольку он был связан в первую очередь с местным фактором, с сильнейшим кризисом станичного коннозаводства.

(ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 12-15). В это же десятилетие в другом своем труде Н.И. Краснов отметил, что, несмотря на кажущееся благосостояние казачьих хозяйств, с каждым годом число не способных снарядиться за собственный счет растет, и это должно, рано или поздно, принять опасные масштабы (Краснов, 1864: 236). И донской статистик оказался прав. Уже при мобилизации Донского Войска перед русско-турецкой войной 1877-1878 гг. правительство было вынуждено пойти на огромные расходы, чтобы обеспечить покупку необходимого казакам снаряжения (Номикосов, 1884: 349). По архивным данным, финансовая помощь потребовалась каждому тридцать восьмому из 45 000 мобилизуемых (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 13об). Может показаться, что эта доля неисправных казаков была незначительной, однако в ходе предыдущих мобилизаций Донского Войска ничего подобного не наблюдалось, и атаман Н.И. Краснокутский счел произошедшее крайне дурным знаком (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1434). Но Военное Министерство не приняло почти никаких мер, ограничившись крайне неудачным предложением ввести закупку снаряжения казаками у комиссионеров. И в итоге к началу XX в. реальные траты казака на покупку лошади и снаряжения достигали 300 руб., и помощь государства требовалась уже каждому шестому (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 12об-14)!

К началу XX в. разорение от непосильных тягот военной службы началось и на Дону, просто через полвека, чем на Военной Границе. В то время как окружающие губернии, пусть и испытывающие свои проблемы, постепенно богатели, на территорию Области Войска Донского пришла бедность. В 1899 г. даже противники привилегий донского казачества соглашались с депутатом от хоперского дворянства П.Г. Мордвинцевым, писавшим: «Если в 1870 г. войсковая администрация безуспешно искала между зажиточными семьями нищих, то через двадцать лет придется, быть может, еще с большей безуспешностью искать затерявшихся между нищими состоятельных» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 8-8об). Военное Министерство было вынуждено пойти на небывалую, беспрецедентную прежде меру, начав выплачивать

пособие в 100 руб. каждому выходящему на службу казаку (Краснов, 1909: 484). Между тем еще четверть века назад, в 1875 г., военный министр Д.А. Милютин выступал категорически против введения подобных пособий, мотивируя это тем, что «существующий ныне порядок отбывания службы» «держится крепко до тех пор, пока каждый казак считает для себя невыгодным и предосудительным снаряжаться на службу за чужой счет». Поэтому, по мнению министра, введение материальной помощи бедным казакам для покупки амуниции было бы явным шагом к упразднению существующей системы казачьих войск (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 65. Л. 11об). Однако к 1899 г. у правительства уже не было выбора. А.А. Чигринцев, прокурор Новочеркаска, так описывал ситуацию, сложившуюся к этому времени в казачьих станицах: «В мирное время поголовная воинская повинность совершенно разоряет казака и ставит его семью в чрезвычайно тяжелое положение». Анализируя ситуацию в некоторых казачьих семьях, он приходил к выводу, что снаряжение на службу разорило их окончательно, и загнало в такую ситуацию, выйти из которой едва ли возможно (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 12об-13) ...

Итак, к середине XIX в. иррегулярные войска классического образца, такие, как российские казаки и австрийские граничары, были обречены. Никакие военные успехи и боевая эффективность не могли спасти их: главная опасность исходила совершенно с другой стороны, со стороны крайней экономической неэффективности. Даже если бы государство согласилось терпеть отставание в развитии богатых и плодородных областей, сами их жители не смогли бы в полном объеме выполнять прежние функции: слишком дорогим становилось снаряжение на службу, слишком сложно было обычной семье заработать подобные деньги, и даже прежде благополучнейшее Донское Войско к 1890 гг. начало скатываться в откровенную бедность. А у нищей уже к 1860 гг. Военной Границы, на наш взгляд, вообще не было альтернатив: самостоятельная покупка качественного снаряжения быстро стала бы для граничар в принципе невозможной. И

русское, и австрийское военные министерства в целом понимали эту ситуацию. Ф.Ф. Торнау еще в 1864 г. писал: «Австрийское правительство понимает ущерб, который оно несет в Военной Границе; но колеблется в избрании мер, могущих его устранить. <...>. Невозможность привлечь на границу новых переселенцев, согласных принять на себя военные обязанности граничар, неудобство создать возле существующего населения новый класс обывателей, не подчиненных общему положению, и желание сохранить военное учреждение, возвращенное с чрезвычайной заботливостью в течение полутора веков, ставит его в этом случае в самое затруднительное положение» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-41). В России Д.А. Милютин выражался еще яснее: «Министерство не должно забывать, что казачьи территории — не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи» (Милютин, 1999: 262-263). Однако прежде, чем перейти к анализу тех выходов из наметившегося кризиса, которые предлагались для казачьих войск и Военной Границы в 1860 гг., мы бы хотели хотя бы кратко остановиться на некоторых не экономических проблемах, с которыми столкнулись и казаки и граничары в это десятилетие. Важнейшей из этих проблем стало падение боеспособности пограничных и казачьих полков, четко проявившееся в ходе вооруженных конфликтов 1850 гг. Ф.Ф. Торнау в своих мемуарах давал крайне низкую оценку боевым качествам граничар (Торнау, 1897: 431). Б. Каталинич, соглашаясь с тем, что в составе австрийской армии солдаты пограничных полков сражались плохо, призывал связывать это с их нежеланием умирать за императора (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77). Современные российские историки в склоняются скорее к позиции австрийского авантюриста, а не русского разведчика (Фрейдзон, 2001: 145). Но даже из текста Б. Каталинича видно, что причины падения боевой эффективности граничар не стоит сводить только к упадку их морального духа: авантюрист признавал, что во время маневров на Военной Границе не отрабатывалось

взаимодействие с регулярной армией, что сами эти маневры длились не дольше 75 дней в неделю, а на остальное время даже солдаты строевых частей распускаются по домам, и, наконец, что граничарские батальоны военного времени часто носили сводный характер, и их офицеры не всегда знали своих подчиненных (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77).

Безусловно, в прежних войнах все это не мешало пограничным полкам проявлять себя с лучшей стороны. Но те времена безвозвратно прошли, и теперь недостаточно обученные и недостаточно дисциплинированные части представляли сомнительную боевую ценность. И представители австрийского генералитета сомневались не только в боевом духе граничар, но и в их способности догнать регулярные подразделения в «строевых», «дисциплинарных» и «боевых» достижениях (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41-41об).

Схожая ситуация наблюдалась и в казачьих войсках. До середины 1860 гг. в них в принципе не предусматривалось достроевой подготовки, поскольку предполагалось, что обучаться казаки будут уже в действующих частях. Увы, на практике это приводило к грустным результатам. И.И. Краснов, отец Н.И. Краснова, герой Крымской и Кавказской войн, сетовал, что такое «обучение» оказывалось едва ли не бесполезным: для того, чтобы выучить хорошего верхового воина, требовалось не менее двух лет, и молодые призывники становились действительно полезны не раньше третьего года службы... после которого распускались по домам на льготу. Льгота эта длилась два-три года, в течение которых казак терял многие приобретенные навыки, и после повторного призыва ему приходилось учиться заново (Краснов, 1864: 229). Стоит ли удивляться, что плохо подготовленные казачьи полки настолько утратили боеспособность, что среди российских офицеров начало пользоваться популярностью мнение о отсутствии у них «военных достоинств иррегулярной легкой кавалерии» (Карасев, 1896: 589)? В этих условиях все громче звучали голоса, призывающие заменить многочисленные, но плохо обученные массы иррегуляров количественно

меньшими, но куда более организованными регулярными частями. Ф.Ф. Торнау докладывал в Санкт-Петербург, что противники Военной Границы считают возможным выставить вместо 72 793 граничар 18 000 солдат линейных полков, которые бы имели «полное преимущество над граничарскою милицией» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42-43об). В России Н.А. Маслаковец доказывал, что Оренбургское войско, состоявшее из 12 кавалерийских полков, 3 конных батарей и 6 пеших батальонов, с успехом может заменить отряд регулярных войск из кавалерийской дивизии четырехполкового состава, артиллерийской бригады и двух отдельных батальонов (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 1).

Но для правительств России и Австрии в это время куда большую опасность представляла другая, пускай и менее очевидная для сами казаков и граничар проблема. На некогда преданные казачьи войска и надежную Военную Границу больше нельзя было положиться. Показательно, что именно в это десятилетие Б. Каталинич приехал в Санкт-Петербург не с традиционным для югославянских пророссийских деятелей предложением организовать переселение своих соплеменников на территорию Российской империи (самая известная попытка реализации подобных идей была предпринята в XVIII в. Елизаветой Петровной (Кирпичонок, 2007), но и в середине XIX в. российское министерство внутренних дел выделяло земли для югославянских колонистов, что нашло отражение в фонде М.Ф. Раевского (ОР РНБ. Ф. 627). Планы австрийского авантюриста простирались куда дальше: он, как мы писали выше, рассчитывал взбунтовать Военную Границу и видел себя в числе ключевых фигур этого восстания. Даже более осторожный и симпатизирующий Габсбургам Ф.Ф. Торнау писал про граничар, что «оружие, которое австрийское правительство отдало в их руки, может в данную минуту обратиться против него самого» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44об). Впрочем, чуть дальше российский агент в Вене оговаривал, что пока недовольство в пограничных полках «имеет самый пассивный характер», но этот пассивный ропот «скрывает в себе будущую

положительную опасность» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 45). В старейшем и крупнейшем из казачьих войск, на Дону, дела обстояли немногим лучше. Лично Д.А. Милютин выражал опасение, что придется посылать регулярные полки, чтобы подавить грядущее возмущение донских казаков (Волвенко, 2014а: 16). В станицах абсолютной поддержкой пользовались противники правительства (Карасев, 1900:167-174).

Попытка проанализировать причины такого недовольства граничар и казаков заслуживают отдельного исследования, и подробный их анализ потребовал бы как минимум статьи. Ограничимся указанием на тот факт, что и жители Донского войска, и жители Военной Границы считали себя обманутыми. Много лет они служили своим империям, проливали свою кровь в многочисленных войнах, но вознаградило ли их правительство за это? Казаки и граничары считали, что в последние десятилетия их просто использовали в правительственных целях, нередко обманывая и нарушая традиционные привилегии. Снова дадим слово современнику, Х.И. Попову, который с нескрываемой злостью писал о попытках привлечь в правительственные комиссии и комитеты «казачьих» депутатов, чтобы впоследствии выдавать решения этих органов за волю донского казачества. Возмущенный донской автор констатировал, что подобные комитеты обычно «действительно составлены из казаков, но они назначены по выбору административной власти, не имеют права голоса и обязаны действовать по указанию своего председателя» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1об). Свои предложения в рамках работы этих комитетов разрешалось излагать и частным лицам, однако на практике никакой пользы от этого не было: правительственные чиновники обычно «не обращали внимания на частные замечания», считая их «не дельными» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 2). И в итоге Х.И. Попов разражался гневной филиппикой в адрес Военного Министерства: «не надобно лишь так неблагоприятно, по многим исполнениям, *оскорблять народ* (курсив наш – А.П.), говоря ему в глаза, что он участвует в общественных делах посредством своих органов-комитетов, когда на деле

нет никаких комитетов» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 2об). Но, увы, ошибки уже были сделаны, причем первые из них были допущены полвека назад: «На Дону не забыто еще, что после первого комитета двадцатых годов председатель его, Чернышев, сваливал после все недостатки и несообразности комитетских работ безгласных членов комитета из туземцев (прогнав прежде тех из них, мнение которых не нравилось ему)» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 2об). К 1860 гг. казачество усвоило урок, и больше не верило Военному Министерству: «Время и добрые люди довольно нашколили казаков узнавать друзей и недругов своих – чем бы они не прикидывались, какими бы фразами не прикрывались» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 3).

На Военной Границе причины своеобразного противостояния народа и власти были еще очевиднее. Еще Ф.Ф. Торнау отмечал, что Вена не может рассчитывать на полную преданность пограничных полков с тех пор, как «они были столь сильно обмануты в своих ожиданиях после 1848 года» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43об). Речь идет о том общеизвестном в историографии Военной Границы факте, что после участия в подавлении революций в Италии и Венгрии граничары рассчитывали на улучшение своего положения. «Великая народная скупщина», съезд хорватских общественных деятелей, в 1848 г. провозгласила баном Хорватии преданного Габсбургам граничарского полковника Й. Елачича, но одновременно потребовала присоединения Военной Границы к гражданской Хорватии и расширения использования хорватского языка. Имперская власть сделала определенные шаги на встречу недовольным, и даже впервые допустила делегатов от пограничных полков к работе хорватского сабора. В этих условиях граничары поддержали Вену и выставили многочисленное войско против венгерских повстанцев, несмотря на то, что многие батальоны пограничных полков уже сражались в Италии. Однако после подавления революций требования «великой народной скупщины» так и не были выполнены, и Военная Граница осталась особой территорией, не вошедшей в

состав гражданской Хорватии (Фрейдзон, 2001: 113-119). Впрочем, этим претензии граничар к австрийской монархии не исчерпывались. Б. Каталинич большее значение придавал тому факту, что «германизация Военной Границы составляла предмет особенной заботливости австрийского правительства, и на эту, по-видимому, неосуществимую идею оно обратило свое преимущественное внимание» (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77). С этим был согласен и Ф.Ф. Торнау, в 1864 г. констатировавший: австрийская политика последних лет «возбудила явное сопротивление со стороны славянских провинций, находящихся в ней потерю своих вековых прав и уничтожение своей народной самостоятельности в пользу немецкого элемента», и в случае нового восстания в Венгрии пограничные полки могут выступить уже на стороне повстанцев, а не имперской власти (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 44об-45).

Почему же правительство брало и не давало, сохраняя, в целом, и в казачьих войсках, и на Военной Границе прежние порядки вопреки воле местного населения? В российском случае мы можем дать точный ответ на этот вопрос. В феврале 1836 г., когда уже стало понятно, что донские казаки крайне негативно отреагировали на спущенное им сверху «Положение о войске Донском»⁵ Николай I несколько раз встречался с отъезжающим на Дон новым атаманом, М.Г. Власовым. Император не скрывал своих мыслей, и адъютант атамана, А.П. Чеботарев, сохранил их для потомства. «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: надобно, чтобы на Дон не доходила никакая реформа ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении (курсив наш – А.П.). Пускай казаки останутся славными казаками Отечества войны двенадцатого года» (Volvenko, 2015: 109). При этом в представлении самодержца «славные казаки» были его преданными слугами, не имеющими права на собственное мнение: монаршую ярость вызвало даже слабое подобие фронды на Дону, выражавшееся в том, что многие генералы и дворяне уклонились от личного присутствия во время обнародования

⁵ Основополагающий документ, регламентирующий все стороны жизни донского казачества.

«Положения о войске Донском». И теперь Николай I требовал от нового атамана, чтобы он «взял их (казаков – А.П.) в руки, в ежовые рукавицы взял их», и особенно подчеркивал, что генерал должен бороться... с просвещением: «ученых уже и у вас много, их желать больше не нужно, а надобно желать побольше старинной доброты, да старинной простоты» (Volvenko, 2015: 108-109).

Нам не известны мысли Франца Иосифа о граничарах, но еще в 1864 г. Ф.Ф. Торнау рапортовал в Санкт-Петербург, что решающим доводом против немедленного реформирования Военной Границы было опасение «коснуться до учреждения, служащего верным оплотом против ея (Венгрии – А.П.) стремлений отделиться от Империи и силою присоединить к себе окружающие ее народы славянского происхождения» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 41об-42). Если даже в 1860 гг. часть австрийского генералитета считала пограничные полки полезным учреждением, то что же говорить о предыдущем десятилетии? После 1848 г. мировая военная пресса ставила граничар очень высоко (Виккеде, 1859: 677), они составляли значительную часть австрийской армии (1/8, по расчетам Ф.Ф. Торнау (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42), и при этом содержались за счет внутренних средств Военной Границы (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42-43). Стоило ли перестраивать такое, казалось бы, эффективное военное «учреждение, взращенное с чрезвычайнешею заботливостью в течение полутора веков» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40)?

Мы подходим к мысли, которую считаем особенно важной для нашей статьи. К 1860 гг. и казаки, и граничары оказались заложниками былых успехов, элементами архаичного прошлого в изменившемся мире. Это была не их вина: и российское, и австрийское правительства, впечатленные былыми успехами пограничных и казачьих полков, упустили время, когда стоило начать их перестройку, в тщетной надежде, что институт иррегулярных войск, крайне эффективный в наполеоновскую эпоху, останется таким же и в будущем. Высшие чиновники крайне осторожно относились даже к

локальным, частным преобразованиям на Военной Границе и в казачьих войсках, хотя жители этих территорий сталкивались со множеством проблем и помимо тех, что мы упомянули выше. Например, на Дону среди чиновников были широко распространены некомпетентность и предпочтение местных традиций писаному праву (Новицкий, 1991: 52-55), а в пограничных полках процветала коррупция (РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 108. Л. 38-77).

Донские казаки жаловались, что число школ незначительно, а открытие новых затруднено необходимостью долгих согласований и другой бумажной волокиты (Карасев, 1896: 580-581), а более многочисленные школы Военной Границы страдали от бедности и отсутствия нормальных преподавателей (Березин, 1879: 344-345). Но имперские власти, смотрящие на казаков и граничар в первую очередь как на великолепную и безо всяких реформ военную силу, не торопились решать их проблемы, что порождало все большее недоверие к центральной администрации у местного населения. И к концу 1850 гг. эти проблемы достигли такого масштаба, что не замечать их больше было невозможно. Н.И. Краснов десятилетием позже доказал, что территории военных поселенцев полностью исключались из нормального экономического развития, и это являлось недопустимым для европейских государств второй половины XIX в. И это было не единственной фатальной проблемой иррегулярных войск: как мы продемонстрировали в своей статье, традиционная подготовка казаков и граничар стала уже недостаточной по сравнению с регулярными армиями, а состоящие из них части были ненадежны из-за растущего недовольства правительственной политикой.

И 1860 гг. стали временем поиска выходов из очевидно наметившегося кризиса российских и австрийских иррегуляров. Мы не будем анализировать все предлагавшиеся в это время проекты реформ, поскольку они были крайне многочисленны и зачастую направлены на решение не системных, а частных проблем Военной Границы и российских казачьих войск. Вместо этого мы еще раз обратимся к рапортам Ф.Ф. Торнау в Санкт-Петербург, в которых участники дискуссии вокруг будущего пограничных полков были условно

разделены на две группы. С одной стороны, по мнению русского военного агента, выступали «защитники нынешней системы», которые считали крайне важным, что она, при всех своих недостатках, позволяла выставить с 1 000 000 населения такой воинский контингент, который в других частях империи собирался с 4 000 000-5 000 000 жителей (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42-42об). Соответственно, хотя необходимость серьезных реформ Военной Границы признавалась всеми (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 40-42), эта часть австрийского генералитета считала, что необходимо именно реформировать пограничные полки, сохранив их лучшие качества. Другую сторону представляли «люди, недовольные устройством военной границы». Они утверждали, что иррегулярная организация граничар в принципе устарела, и их нужно обратить в гражданское состояние (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 43об-44).

Уже при первом знакомстве с рапортом Ф.Ф. Торнау мы были удивлены тому, насколько идеи австрийских сторонников и противников сохранения пограничных полков напоминали идеи российских казакоманов и прогрессистов (Peretyatko, 2016б : 87). Идеальный вдохновитель первой из этих «партий», А.М. Дондуков-Корсаков, соглашался с необходимостью «изменения некоторых обветшалых постановлений» в казачьих войсках, и даже составил свою программу реформ донского казачества, однако при этом всячески подчеркивал, насколько «рановременны, чтобы не сказать опасны, всякие изменения правительством основных начал войска (Донского – А.П.)» (Карасев, 1896: 579-585). Что касается основной идеи прогрессистов, то ее, как ни странно, короче всего сформулировал их идейный оппонент, атаман Уральского войска А.Д. Столыпин: «если обстоятельства, родившие казачество, миновались, казачество должно пасть, а то, что должно пасть, не следует поддерживать искусственными средствами» (Ст., 1861: 202).

Нам представляется, что при всем разнообразии конкретных проектов, и в России, и в Австрии было предложено только два основных пути выхода из наметившегося кризиса. Российские казакоманы и австрийские «защитники

нынешней системы» считали, что следует модернизировать казачьи войска и Военную Границу, встроить их в систему современных государств и современных армий, по возможности сохранив традиционные институты. Австрийские «люди, недовольные устройством военной границы» и российские прогрессисты, напротив, считали, что казакам и граничарам предстоит слиться с основной массой населения своих империй, и замедляющие этот процесс реформы только продлевают агонию отживших военных поселений. Будущее показало, что именно они оказались правы в этом споре.

Дело в том, что с 1870 гг. пути российского казачества и австрийской Военной Границы, очень схожие в предыдущие два десятилетия, начинают все больше расходиться. Австрийские (точнее, уже австро-венгерские) власти, как мы писали выше, в конечном счете решились начать демилитаризацию Военной Границы, и в 1871 г. реально запустили этот процесс. Российское Военное Министерство, напротив, постепенно отказалось от своих наиболее радикальных идей, и попыталось совместить экономическую и военную модернизацию казачьих войск (Перетяцько, 2014: 230). Однако результаты этих попыток были далеко не блестящими.

Оренбургский атаман Н.А. Маслаковец в 1889 г. сетовал, что ослабление контроля войсковых властей за гражданской жизнью казачества не только не обогатило станицы, но и привело к их разорению: «Оказалось гибельным и распространение на казачьи войска основы положения об устройстве сельского состояния в Империи. Получилось, взамен прежнего порядка управления делами станичного хозяйства под контролем войсковой администрации, право общественного самоуправления. <...>. Казаки, воспользовавшиеся правом передачи земельных паев для обработки в посторонние руки, сдав таковые на более или менее продолжительные сроки и часто за незначительную арендную плату, очутились без земли и без денег» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 6об-7об). Зато серьезно усложнилась задача войсковой администрации, лишенной рычагов давления на станицы: «все

предъявляемые ими (войсковыми властями – А.П.) казакам требования в конце концов могут получить надлежащее удовлетворение лишь при содействии и непосредственном участии чинов уездной полиции, то есть органов министерства внутренних дел» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 5об). По мнению Н.А. Маслаковца, впрочем, на наш взгляд, несколько пессимистическому, предложенная правительством модернизация сделала казачьи войска недееспособными и в военном, и в экономическом отношениях: реформы «едва было в самом корне не подсекли всего строя их (казачьих войск – А.П.) прежнего развития в духе служения казачьего населения» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 5), и одновременно довели и без того не блестящую экономическую ситуацию до того, что «население положительно голодало, скот погибал от бескормицы!» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 9).

И постепенно российское Военное Министерство отказалось от попыток ускорить сверху экономическое развитие казачьих регионов, сконцентрировавшись на обеспечении максимальной боеспособности выставляемых с их территорий частей, причем не за счет серьезных преобразований, но за счет все большего вмешательства военных властей в мирную жизнь (Перетяцько, 2014: 230-231). Фактически это было возвратом к той политике, которая довела казаков и граничар до печального состояния 1860 гг., но российское правительство не понимало этого. Как некогда Николай I и Франц Иосиф, Александр III и Николай II пытались сохранить славные иррегулярные войска прошлой эпохи, обходясь необходимым минимумом реформ и решая только самые очевидные проблемы. И мы бы хотели закончить основную часть нашей статьи обширной выпиской из частного письма А.А. Чигринцева, Н.А. Маслаковцу, в которой новочеркасский прокурор на примере донского казачества хорошо показал обреченность самой идеи реформировать иррегулярные войска, не меняя общую систему их службы. «Донская область продолжает быть военным станом, не ведущим войны, но всегда готовым к ней; ежегодно от мирного

труда, который только и обеспечивает благосостояние, отрываются тысячи сильных, здоровых работников, ежегодно для снаряжения их казаки делают тяжелые денежные затраты. В интересах войны в казаках стараются поддерживать особый дух, дабы не утратили они своих боевых качеств, и казак продолжает смотреть на себя, как на воина по преимуществу, а не землероба или ремесленника. <...>. Если вооруженный мир доводит чуть не до банкротства целые государства, то как тяжек он для Донской области! Быть может, я заблуждаюсь, хотя этого до сих пор мне никто не доказал, но убежден, что пока Донская область будет военным станом, до тех пор о серьезном поднятии ее материального благосостояния можно говорить, но достигнуть его нельзя. *Для этого нужно изменить условия жизни, и перевоспитать все казачье население* (курсив наш – А.П.» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 2-2об).

Заключение

Мы понимаем, что наша статья содержит далеко не всеобъемлющий анализ того сходства, которое очевидно наблюдалось между Военной Границей и казачьими войсками в 1860 гг. Многие интересные и важные темы вообще оказались за пределами нашего исследования: например, сравнение конкретных проектов преобразований, предлагаемых австрийскими и российскими офицерами для решения схожих проблем. Однако и описанного достаточно, чтобы понять: «детальное сравнение» казаков и граничар действительно, как и предполагает А. Каппелер, позволяет иначе взглянуть на историю пограничных сообществ и иррегулярных войск, выявить закономерности, которые прежде не привлекали внимание ученых. А еще, как часто бывает, у австрийского историка были предшественники, о которых он даже не подозревал: еще полтора века назад крупнейший донской статистик своей эпохи, Н.И. Краснов, попытался провести это «детальное сравнение», хотя в итоге его труд и был погребен в глубине российских военных архивов.

Однако историк, поставивший перед собой задачу сопоставить ход развития австрийских граничар и российского казачества, очень быстро сталкивается с угрозой спутать мифы и реальность, поверить в ложные историографические конструкты, созданные недостаточно информированными авторами. В основном тексте нашей статьи мы останавливались на подобных конструктах, характерных для русских текстов о Военной Границе. Недостоверность некоторых из них очевидна: так, достаточно самого общего знакомства с историей пограничных полков, чтобы опровергнуть мнение А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна о невозможности «ведения мирного хозяйства» их жителями. Однако для опровержения других необходимо обращение к российским же архивам: только таким образом мы смогли убедиться в том, что А.А. Волвенко неверно интерпретирует некоторые тексты Ф.Ф. Торнау и Н.И. Краснова, предполагая, что опыт австрийских реформ Военной Границы использовался в России при преобразовании казачьих войск в 1860 гг. Но российские тексты о казачестве содержат еще большее количество мифов и ложных историографических конструктов: например, консервативно настроенные авторы конца XIX в. старались всячески преуменьшать масштаб недовольства правительственными реформами в казачьих войсках в 1860 гг., а сами эти реформы выставить логическим развитием правительственной политики предыдущих десятилетий (Номикосов, 1884: 48-49). Поэтому, как мы писали выше, автор, решившийся всерьез заняться исследованием сходств и различий казаков и граничар, должен будет хорошо разбираться в истории и тех и других, и работать с первоисточниками, а не только трудами позднейших авторов – иначе его книга будет посвящена сравнению реально существовавшего военного сословия с мифологизированным образом другого.

И как раз в 1860 гг. и казачьи войска, и Военная Граница были очень далеки от того хрестоматийного образа верных защитников императора и веры, который часто рисуется некоторыми историками. Военные успехи прошлых лет сыграли роковую роль: правительства Российской и Австрийской

империй были крайне осторожны в деле реформирования иррегулярных войск, а Николай I даже декларировал перед одним из донских атаманов желание сохранить казаков «славными казаками Отечественной войны двенадцатого года». Но мир вокруг стремительно менялся, и уже Н.И. Краснов в 1860 гг. показал: исключение из нормального экономического развития территорий иррегулярных войск не оправдывается выставляемыми с них контингентами. А это было далеко не единственной проблемой казаков и граничар: их системы военного обучения все больше устаревали по сравнению с регулярной армией, и некогда великолепные части в глазах многих офицеров представляли собой сомнительную боевую ценность. Наконец, нежелание правительства решать проблемы населения казачьих войск и Военной Границы вызывали недовольство местного населения, достигнувшее в 1860 гг. опасного размаха.

Схожие проблемы порождали схожие варианты решения: и в России, и в Австрии между собой боролись две «партии», предлагавшие диаметрально противоположные варианты дальнейшего развития иррегулярных войск. С одной стороны выступали сторонники модернизации сложившегося порядка, его встраивания в систему современной армии и государства, а с другой им противостояли люди, требовавшие обращения граничар и казаков в гражданское состояние, полной ликвидации архаичных, полуфеодальных институтов. И, хотя пути выхода из сложившейся ситуации были выбраны разные (российское военное министерство предпочло модернизировать казачество, а австрийское – расформировать Военную Границу), такое сходство говорит о том, что кризис казаков и граничар 1860 гг. имел не только локальные и ситуационные причины, но и причины универсальные, порожденные процессами, характерными для иррегулярных войск в эту эпоху. Важнейшие и наиболее общие из этих процессов выявил Н.И. Краснов, другие, специфические именно для консервативных восточноевропейских монархий в пост-наполеоновскую эпоху, установили мы. Но, как нам кажется, это только начала перспективнейшего направления

исследований, «детального сравнения казаков» и граничар, которое со времени, по предсказанию А. Каппелера даст «дальнейшее разъяснение феномена пограничных сообществ в целом и особенно истории казаков».

Литература

Березин, 1879 – Березин Л.В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. Т.2. СПб., 1879. 591 с.

Виккеде, 1859 – Виккеде Ю. Военные силы Германии и развитие их в новейшее время // Военный сборник. 1859. № 2. С. 672-728.

Волвенко, 2007 – Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70 гг. XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск; Ростов-на-Дону, 2007. С. 47-56.

Волвенко, 2014а – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.

Волвенко, 2014б – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) Часть 2 // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3 (2). 2014. С. 382-391.

Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Дронов, 2016 – Дронов А. М. Языковой вопрос на Военной Границе Габсбургской монархии в 1850–1870-е гг. // Славянский альманах. 2016. № 1-2. С. 44-54.

И.К., 1865 – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73-89.

- Казачий Дон, 1995 – Казачий Дон. Очерки истории. Часть I. Ростов-на-Дону, 1995. 192 с.
- Кандаурова, 2010 – Кандаурова Т.Н. Военные поселения в Европе и России XVIII-XIX веков // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 84-109.
- Каппелер, 2014 – Каппелер А. Казачество. История и легенды. Ростов-на-Дону, 2014. 106 с.
- Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Карасев, 1900 – Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167-174.
- Кирпичонок, 2007 – Кирпичонок А.Н. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007. 222 с.
- Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Костяшов, 1997а – Костяшов Ю. В. Сербские Граничары // Вопросы Истории. 1997. № 5. С. 140-145.
- Костяшов, 1997б – Костяшов Ю. В. Сербы в австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997. 220 с.
- Краснов, 1862 – Краснов И.И. О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343-356.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб, 1864. 352 с.
- Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины бывшего Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- Малукало, 2003 – Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар: Кубанькино, 2003. 216 с.

Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.

Милютин, 1999 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999. 559 с.

Нигалатий, 2007 – Нигалатий М.В. Боголюб Каталинич: австрийский офицер-граничар на русской службе // Вестник Тверского Государственного университета. Серия: История. 2007. № 25 (53). С. 148-161.

Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.

Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Перетятыко, 2014 – Перетятыко А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.

Перетятыко, 2017 – Перетятыко А.Ю. «Деньги и труд оплодотворят самые бесплодные земли»: иллюзии казачьих прогрессистов 1860 гг. // Новое прошлое/The New Past. 2017. № 1. С. 77-88.

Протоколы, 1899 – Протоколы комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Новочеркасск, 1899. 286 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Салтыков-Щедрин, 1864 – Салтыков-Щедрин М.Е. Литературные мелочи // Современник. 1864. № 5.

Скорик, 2015 – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.

Список, 1891 – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. 907 с.

Ст., 1861 – Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // Военный сборник. 1861. № 1. С. 201-210.

- Тикиджьян, 2013 – Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.
- Торнау, 1897 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания барона Ф.Ф. Торнау // Исторический вестник. Т. XLVII. 1897. С. 419-447.
- Фрейдзон, 1963 – Фрейдзон В.И. К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной Границе в 50-начале 70-х годов XIX века (кризис и ликвидация военной системы) // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXVI. М., 1963. С. 80-115.
- Фрейдзон, 2001 – Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб., 2001. 318 с.
- Chuikov et al., 2016 – Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V. The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 41, Is. 3. P. 675-687.
- Peretyatko, 2016a – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv*. 2016. Vol. 14. Is. 4. Pp. 301-320.
- Peretyatko, 2016б – Peretyatko A.Y. The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part I // *Voennyi Sbornik*. 2016. Vol.12. Is. 2. Pp. 79-99.
- Peretyatko, 2016в – Peretyatko A.Y. The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part II // *Voennyi Sbornik*. 2016. Vol.1. Is. 3. Pp. 145-163.
- Peretyatko, 2017a – Peretyatko A.Y. N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges”. Part II // *Russkii Arkhiv*. 2017. 5(1). Pp. 33-51.
- Peretyatko, 2017б – Peretyatko A.Y. The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing

irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. // History and Historians in the Context of the Time. 2017. 15(1). Pp. 4-22.

Peretyatko, 2017B – Peretyatko A.Y. The Militärgrenze from the Battle of Solferino before the Beginning of Demilitarization: Three Views out of Russia (F. F. Tornau, N.I. Krasnov, B. Katalinich). Part III // Voennyi Sbornik. 2017, 5(1): 20-41.

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 15. Is. 2. Pp. 106-114.

↓ Download

[About](#)

[Blog](#)

[People](#)

[Papers](#)

[Job Board](#)

[Advertise](#)

 [We're Hiring!](#)

 [Help Center](#)

[Terms](#) [Privacy](#) [Copyright](#) Academia ©2019